

АВТОРИТЕТ ПИСАНИЯ

теологический ракурс

Аннотация: Данная статья представляет в обобщенном виде такое представление об авторитете Писания, которое исходит из учения о Боге и подчеркивает производный авторитет библейского текста, а также указывает на инструментальную роль Писания в осуществлении замысла Бога. Кроме того, затрагивается вопрос многоголосия свидетельств в Писании, а также роль общины народа Божьего в процессе формирования канона. Представленные в статье мысли опираются на идеи, которые уже обрели статус консенсуса среди современных библеистов и богословов, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Ключевые слова: *Писание, авторитет, теологическая интерпретация, драма спасения, добродетели*

Title: Authority of Scripture: A Theological Perspective.

Abstract: This article presents in a generalised way such an understanding of Scripture's authority that is based on the doctrine of God, emphasises a derived authority of biblical text and points to the instrumental role of Scripture in the accomplishment of God's design. Besides that the article touches the issue of polyphony of witnesses in Scripture and the role of the community of God's people in the process of formation of canon. The thoughts presented in the article are rooted in the ideas that have obtained a status of consensus among contemporary biblical scholars and theologians regardless of their confessional affiliation.

Keywords: *Scripture, authority, theological interpretation, drama of salvation, virtues*

Александр Гейченко, доктор философии, ректор Одесской богословской семинарии (Одесса, Украина). ORCID: 0000-0002-0677-3456

Введение

◆ В результате исторического развития и сильного влияния окружающей культуры Писание превратилось в личную книгу, а ее чтение и истолкование стало зависеть почти исключительно от индивидуального здравого смысла и способностей понимания. Во введении к сборнику статей под названием «Искусство чтения Библии» (*The Art of Reading the Bible*) упоминается карикатура, опубликованная в журнале *Нью-Йоркер*: человек обращается с вопросом к сотруднику большого книжного магазина. Продавец, печатая на клавиатуре компьютера и пристально всматриваясь в экран, отвечает: «Библия? ... Это должно быть в разделе по саморазвитию».^[1] Совершенно очевидно, что художник попытался передать то, что произошло с отношением к Писанию — его стали воспринимать как терапевтическое пособие или сборник благочестивых цитат на каждый день и для любой ситуации.

С другой стороны, попытки некоторых верующих противостоять этой тенденции и снова акцентировать значимость Писания приводили к другой крайности — они как бы втискивали Бога в рамки Писания. Текст Писания, а чаще определенная интерпретация этого текста, возводились в рамки абсолюта, довлеющего не только над человеком, но и над Богом. Вот как об этом говорит профессор Ветхого Завета в университете Кэмпбелла, Тони Картледж:

«Современные верующие не могут принести ковчег на поле боя, однако остается масса способов, с помощью которых мы пытаемся манипулировать Богом. Как отмечает Кеннет Чейфин, совершенно очевидно, что многие верующие с трудом различают Библию, *записанное* слово Бога, от вечного Бога — *живое* Слово. Они по всей видимости считают, что поймали Бога в Писании и, вооружившись своими толкованиями пытаются контролировать Бога и манипулировать людьми».^[2]

Каким образом можно было бы преодолеть данные тенденции — низведение Писания до уровня индивидуального терапевтического пособия или в инструмент манипуляции людьми и Богом? Как вернуть авторитет Писания на должное место не приуменьшая, но и не преувеличивая его значимость? Как сбалансировать наличие многоголосия свидетельств в Писании и роль общины народа Божьего в процессе формирования канона? Данная статья — попытка найти ответы на данные вопросы, опираясь на то, что уже обрело статус консенсуса среди современных библеистов, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

^[1] Ellen F. Davis, 'Introduction,' in *The Art of Reading Scripture*, edited by Ellen F. Davies and Richard B. Hays (Grand Rapids: Eerdmans, 2010. Apple Books). Здесь и далее перевод с англ. мой — А.Г.

^[2] Tony W. Cartledge, *1 & 2 Samuel*, Smyth & Helwys Bible Commentary, 7 (Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, 2001), 78.

«Бог, многократно и многообразно говоривший...»

◆ Убеждение о непререкаемом авторитете Священного Писания в вопросах веры и жизни — одна из ключевых характеристик евангельских христиан. Это убеждение получило особое развитие в связи с Реформацией и тесно связано с последовательной подозрительностью к церковным авторитетам (предание, магистериум, папа или епископы). Считается, что евангельское богословие немислимо в отрыве от принципа авторитетности Писания,^[3] поскольку в процессе выяснения содержания и значения вопросов веры и практики последнее и решающее слово отводится именно Библии. Евангельский богослов Дэвид Кларк говорит об этом так: «Для евангельских христиан фраза “библейский авторитет” означает, что через Библию, и именно через Библию, Бог понятно сообщает людям о божественной природе, путях и воле, так что Библия определяет наши мысли и образ жизни».^[4] То есть, если человек желает получить подлинное, авторитетное и полное знание о Боге и Его взаимодействии с человеком, он обращается к Писанию.

Вместе с тем, следует отметить, что в евангельской среде авторитет Писания нередко становится самодостаточным, в определенном смысле заслоняя собой авторитет Бога. Обычно это происходит, когда учение об откровении отделяют от учения о Боге, в котором оно выполняет вспомогательную роль.^[5] Сбалансированное представление об авторитете Писания отсылает нас к акту божественного само-откровения. Именно так мыслил евангельский теолог Бернард Рамм, утверждавший: «В христианстве принципом авторитета является Троиный Бог в само-откровении».^[6] В свою очередь американский библеист Стивен Фул очень подробно разворачивает ту же мысль, указывая на ее практические импликации:

Христианский Бог — это Троица, чья внутренняя жизнь отражена в милосердной и миролюбивой самоотдаче, сообщении Отца, Сына и Духа. В творении Бог не только желает свободно вызвать к существованию людей, созданных по образу Бога, но также желает общности с людьми, предлагая им приобщиться к божественной жизни. Это одновременно и намерение, с которым Бог сотворил, и цель, для которой Он сотворил. Учитывая это, Божье сообщение Себя — это важный элемент в установлении общности, которую Он свободно желает иметь с людьми. Следовательно, Божье само-откровение людям — это одновременно источник и содержание христианского учения об откровении. Откровение прямо зависит от троединой сущности Бога и неотделимо от Божьего свободно изъявленного желания любящей общности с людьми. В свете этого, записанный текст Писания есть

^[3] Cp. David K. Clark, *To Know and Love God: Method for Theology*, Foundations of Evangelical Theology (Wheaton, IL: Crossway, 2003), 59-60.

^[4] Clark, *To Know and Love God*, 61.

^[5] Stephen E. Fowl, 'Scripture,' in John Webster, ed., *The Oxford Handbook of Systematic Theology* (Oxford: Oxford University Press, 2007. Apple Books).

^[6] Clark, *To Know and Love God*, 62.

вспомогательным и зависимым от идеи откровения, которая напрямую зависит от триединого бытия Бога.^[7]

В этой цитате ясно утверждается, что текст выполняет инструментальную или посредническую функцию, отсылая нас к божественным речевым актам, которые есть ничто иное как само-откровение триединого Бога, цель которого – усовершенствовать нас для участия в общности с Ним и в Его замысле. Если же Писание отрывается от этого онтологического основания, тогда происходит его онтологизация, что в принципе ошибочно. Ведь как отмечает Джон Вебстер, ссылаясь на Кантвелла Смита, Писание подобно языку, культуре или искусству не имеет собственной онтологии, оно не может «быть» в отрыве от динамического процесса восприятия божественного откровения людьми.^[8]

Если обратить внимание на сами тексты Священного Писания, то они неоднократно отсылают нас к опосредованному авторитету человеческих авторов или свидетелей. Так в Ветхом Завете авторитет вести пророков определялся формулой посланника: «так говорит Господь» или «слушайте слово Господне». Это означает, что пророк был авторитетен только в том смысле, что представлял Господа и доносил Его слово Божьему народу. Он не имел собственного авторитета, который бы не зиждился на авторитете Пославшего. В Новом Завете по воскресении Иисус заявляет, что Ему «дана вся власть на небе и на земле» (Мф. 28.18; ср. Флп. 2.9-11), и именно Он уполномочивает апостолов нести свидетельство до края земли. Апостол Иоанн отсылает нас к факту воплощения, а не к фиксации откровения в письменной форме – «и Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1.14), а свидетели «видели славу Его» (Ин. 1.18). Сами апостолы говорили о себе как о свидетелях или очевидцах Слова, тем самым показывая, что авторитет их вести коренится не в них самих, а в том, очевидцами чего они стали: спасительных деяний Божьих во Христе. Один из наиболее ярких текстов Писания, подчеркивающих укоренение авторитета пророков и свидетелей в Боге, – Послание к Евреям 1.1-2: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне Своем, которого и поставил наследником всего, через которого и веки сотворил». То есть, именно Бог, явивший Себя в спасительных актах и в воплощении Сына, обладает высшим авторитетом.

34 Из этого следует, как утверждает Н. Т. Райт, что «Библия обладает лишь делегированным, или опосредованным авторитетом, тогда как истинная власть принадлежит самому Богу и Иисусу как воскресшему Господу и Сыну Божьему, Эммануилу».^[9] На языке систематического богословия такая структура авторитета Писания называется «онтологическим основанием авторитета текста»: «Для евангельского богословия <...> онтологическое

^[7] Fowl, 'Scripture.'

^[8] John Webster, *Holy Scripture: A Dogmatic Sketch*, Current Issues in Theology (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 7.

^[9] Н. Т. Райт, *Авторитет Писания и власть Бога* (Черкассы: Коллоквиум, 2007), 32.

основание авторитета, коренится в объективной реальности Троидного Бога, говорящего через вдохновение Духа».^[10] Эта мысль имеет значение для понимания природы авторитета Писания, для осмысления процесса передачи и фиксирования откровения через людей, а также для осознания роли Писания в драме спасения. Каким же образом факт укоренения Писания в бытии и откровении Бога сочетается с ролью людей, фиксировавших и передававших это откровение человеческими словами и образами? Здесь мы переходим ко второй части статьи.

«Мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа...»

◆ Представление о непосредственном авторитете Писания часто может приводить к мысли, что текст представляет собой один единственный голос — голос Бога. Хотя, в сущности, такое представление верно, оно, тем не менее, часто не учитывает или существенно нивелирует человеческое участие в процессе передачи откровения. Это особенно характерно для тех, кто придерживается одной из форм теории диктовки (представление, что все слова, содержащиеся в Писании, были продиктованы Богом, в то время как человеческий автор выступал в роли секретаря). На самом деле, в случае Писания, мы имеем дело не с механической фиксацией обретенных слов Бога, а с собранием свидетельств людей об их опыте откровения. Как отмечает Стивен Фул:

Оригинальные тексты, из которых состоит Библия, были написаны различными авторами (известными и неизвестными) в разнообразном историческом, лингвистическом и культурном окружении. Человеческие авторы этих текстов, и те, кто их сохранял, редактировал и упорядочивал, были участниками массы социальных, материальных, институциональных сил, а также подвергались их воздействию, и эти силы, несомненно, влияли на составление Библии, даже если ученые вовсе не уверены, как и до какой степени это происходило.^[11]

То есть, различные свидетели использовали язык, образы, исторические, научные, литературные и другие конвенции, характерные для их времени. В Писаниях представлены разные жанры, разные исторические эпохи и разные богословские акценты. Более того, некоторые богословские идеи определенно развивались, уточнялись и изменялись. Иногда мысль о развитии богословских идей называют прогрессивным откровением, то есть, представлением, что некоторые зачаточные представления о Боге и характере Его отношений с человеком получали более полное освещение с течением времени.^[12] Идея полифонии согласуется с текстом из Послания

^[10] Clark, *To Know and Love God*, 65.

^[11] Fowl, 'Scripture.'

^[12] См. заметку английского ветхозаветника Алека Мотиера, в которой он утверждает: «Прогрессивное откровение — это не движение от ошибки к истине, но от истины к истине, от меньшей к большей, от предварительной к неизменной, от неадекватной к совершенной». <https://www.crossway.org/articles/what-is->

к Евреям о многократности и многообразности Божьего откровения. В то же самое время все эти разные свидетельства объединены общей канвой – драмой или историей спасения.

Наличие множества человеческих свидетелей, а также продолжительность процесса, в ходе которого откровение фиксировалось в текстах и аккумулировалось в собраниях текстов, заставляет задуматься о надежности самого процесса передачи. То есть, иногда человеческое участие в процессе откровения расценивается как слабое звено. Англиканский специалист по Новому Завету Ричард Бокэм не так давно призвал к переосмыслению свидетельства, как важнейшей категории для понимания передачи евангельской вести и ее фиксации в текстах Нового Завета.^[13] В своей фундаментальной монографии он убедительно доказывает, что свидетельство очевидцев достойно доверия. Для него свидетельство очевидцев – это рациональный подход к правдивому высказыванию. Свидетельство передает информацию, необходимую для познания исторической реальности Иисуса, однако это не означает, что к свидетельству нельзя подходить критически. Бокэм подчеркивает, что «категория свидетельства позволяет нам читать Евангелия именно как такой текст, который нам нужен, чтобы узнать, как в истории Иисуса раскрывает себя Бог. Воспринимая Евангелия как свидетельство, мы видим в богословском значении истории не произвольные суждения, искусственно привязанные к объективным фактам, а то, как воспринимали историю сами ее свидетели, нить, неразрывно вплетенную в сложное переплетение наблюдаемых событий и воспринимаемых смыслов».^[14]

Следует помнить, что, пытаясь свести все к божественному голосу, мы нивелируем участие людей в процессе передачи откровения, превращаем их в простые автоматы, запрограммированные на фиксацию и передачу божественных слов. Выбор любой из альтернатив – человеческой или божественной – за счет исключения другой, приводит к неудовлетворительному представлению о природе Писания, а также о его авторитете. Напряженность человеческого и божественного компонентов Писания пытаются разрешить с помощью христологической аналогии: как Христос обладает двумя природами (человеческой и божественной), так и текст Писания является одновременно словом человеческим и словом Божьим.^[15] Использование аналогии намекает на сакраментальный характер само-откровения Бога, зафиксированного в текстах Писаний: Божье откровение передается через человеческие процессы, благодаря которым формируется Писание, но это никак не препятствует изначальной цели – само-откровению триединого Бога, направленному на то, чтобы вовлечь людей в более глубокую общность

progressive-revelation/. Критику слишком прямолинейной идеи прогрессивного откровения см. George Ernest Wright, 'Progressive Revelation,' *The Christian Scholar* 39, no. 1 (1956): 61-65.

^[13] Ричард Бокэм, *Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей* (М.: Эксмо, 2011), 25-29.

^[14] Бокэм, *Иисус глазами очевидцев*, 26.

^[15] Fowl, 'Scripture.'

с Ним. В этом процессе Бог выступает не только содержанием откровения, но и тем, кто поддерживает и направляет процесс, с помощью которого люди вовлекаются в общность с Ним.^[16]

Это указывает на то, что Бог провиденциально направляет историю так, чтобы Его цели осуществились. Святой Дух играет всеобъемлющую роль в этом процессе: напоминает учение Иисуса (Ин. 14.26), наставляет и утверждает учеников в истине (Ин. 16.2-15) и возвещает грядущее (Ин. 15.1-11), чтобы они прибывали в Нем.

С одной стороны, это означает, что человеческий компонент вполне может нести в себе все, что связано с его естественными ограничениями. Но все это, с другой стороны, не препятствует Богу осуществить Его замысел и являть Себя через слабых человеческих свидетелей, поскольку Он освящает/отделяет их как орудия для Себя. Это также означает, что к Писанию могут применяться методы, используемые при изучении других исторических источников и феноменов. Вместе с тем такое исследование не должно упускать из поля внимания другой фокус – теологический. Ведь Бог раскрывает себя людям, чтобы ввести их в общение с Собой и сделать их способными участвовать в осуществлении Своего замысла. Таким образом, изучение Писания подобно эллипсу с двумя центрами, ни один из которых нельзя упускать из виду, но следует держать в творческом напряжении. Эти размышления затрагивают вопрос формирования канона Писания и роли народа Божьего в этом процессе.

«Но изрекали его святые Божии человеки,
будучи движимы Духом Святым»

◆ Представление о множестве свидетелей и передаче свидетельств от поколения к поколению в народе Божьем неизбежно подводит нас к размышлению о формировании корпуса свидетельств, который мы называем каноническими книгами Священного Писания. Канонические они в том смысле, что представляют собой некое мерило, содержат стандарт, относительно которого поверяется любое христианское учение, претендующее на авторитет.

К сожалению, широкие круги евангельских христиан имеют слабое представление о процессе формирования канона. Для большинства канон Писания считается завершенным после написания последней книги Нового Завета – Откровения Иоанна Богослова. На самом деле процесс был долгим и сложным. Понимание этого процесса имеет чрезвычайное значение для формирования представлений об авторитете Писания. Как отмечает евангельский специалист по Новому Завету Крейг Аллерт:

«Высокое представление о Писании требует понимания и интеграции процесса формирования Библии. Это формирование подразумевает живой авторитет Библии в жизни верующих, поскольку Библия сформир-

^[16] Fowl, 'Scripture.'

рвалась и возникла в общине веры. Это означает, что Библия не свалилась с неба, но есть результатом исторического и богословского развития».^[17]

Описывая сам процесс, он отмечает, что он состоял из трех основных фаз:^[18]

- Фаза 1: к концу I ст. ядро книг современного Нового Завета начали рассматривать как основной источник для христиан, их начали упоминать даже чаще, чем Ветхий Завет, хотя еще редко называли «Писанием». В то же самое время Деяния, соборные послания и Откровение — это книги второй группы. Сюда же относятся книги вроде «Пастырь Ермы».
- Фаза 2: во II и III ст. ситуация начала выравниваться — книги второй группы цитировали чаще Ветхого Завета, а Новый Завет и Ветхий Завет обрели почти равный статус. Вместе с тем речь о фиксированном каноне пока не шла.
- Фаза 3: предписания IV ст. о каноне уже утвердились. 27 книг Нового Завета признаны каноническими, но даже на данном этапе сохранилось трехкратное деление.

Канонизация связана с распознаением текстов, как надежных свидетелей откровения. Важно помнить, что церковь именно распознает и свидетельствует, а не выносит вердикт. При распознавании использовались критерии *апостольского происхождения, ортодоксальности и всеобщего использования*.^[19] В результате этого процесса распознавания сложилось собрание текстов, которые признаны авторитетными, нормативными. Именно в этом собрании текстов церковь продолжает слышать слова говорящего Бога, обращенные к ней, чтобы сделать ее способной выполнять ее предназначение.

К сожалению, понимание роли общины, ее значение для формирования канона, а также для авторитетного истолкования, было искажено в академических кругах, и почти утрачено среди евангельских верующих. Так Стивен Демпстер, профессор религиоведения в университете Крэндалл, отмечает, что формирование канона представляют как результат деятельности общины веры, исторических обстоятельств или «в худшем случае, как продукт политической воли, результат победителей в междоусобной богословской борьбе. Таким образом, документы, по сути, не имели присущей им трансцендентной ценности, но по разным причинам считались важными, и община или общины наделяли их печатью “божественного” одобрения. Действующие в общине внешние силы произвели канон».^[20] Продолжая, он утверждает, что часто обращают

^[17] Craig D. Allert, *A High View of Scripture? The Authority of the Bible and the Formation of the New Testament Canon*, Evangelical Ressourcement (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2007), 13-14.

^[18] Allert, *A High View of Scripture*, 50-51.

^[19] Allert, *A High View of Scripture*, 52-58. Ср. Брюс М. Мейгер, *Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение*, Современная библеистика (М.: ББИ, 1998), 245-49.

^[20] Stephen G. Dempster, 'The Canon and Theological Interpretation,' in *Manifesto*

внимание исключительно на внешний процесс, в ходе которого *собрание авторитетных документов* стало *авторитетным собранием документов* в результате ряда решений церковных соборов. Таким образом, наделение отдельных документов той степенью авторитетности, которой они изначально не обладали в совокупности — это анахронизм, а авторитет позднего собрания документов зиждется на человеческих решениях.^[21]

Проблематичность подобного взгляда состоит уже в том, что он не учитывает отмеченного выше процесса распознавания общиной в голосах свидетелей голоса говорящего Бога. В «авторитетное собрание документов» вошли только документы, уже пользовавшиеся авторитетом. Несмотря на то, что формирование канона и распознавание авторитетных текстов происходили в истории, логика этого процесса направлялась не исключительно внешними обстоятельствами, а действием Святого Духа. Здесь следует обратиться к рассмотрению процесса формирования канона не только в историческом ракурсе, но и в богословском, как это хорошо показал Джон Вебстер.^[22]

Вебстер прочитывает этот процесс через четыре акта, совершаемых церковью: *исповедание, подчинение, ретроспекцию и руководство*.

- В акте *исповедания веры* церковь признает, что откровение в Писании дано ей от того, кто выше нее (предшествующий живой голос Иисуса Христа, звучащий через свидетельство апостолов).
- В акте *подчинения*, который предшествует акту власти, церковь признает норму, которая стоит выше нее.
- В акте *ретроспекции* церковь признает, что любое истинное речение в церкви может исходить только из апостольского свидетельства.
- Признавая канон, церковь берет на себя обязательство *руководствоваться* этой нормой во всех своих действиях.

Подводя итог, Вебстер утверждает: «истолкованный теологически [...] церковный акт канонизации — это набор человеческих действий, позиций и отношений, которые отсылают к предшествующим божественным актам говорения и освящения».^[23] Таким образом, Божье само-откровение охватывает не только сами речевые акты и явления Бога, не только человеческих свидетелей, через которых откровение доносится народу Божьему, но также и процесс сохранения, передачи и формирования канона Священного Писания, в котором Бог участвует провиденциально. Все сказанное выше подводит нас к важному вопросу: Каковы же практические импликации богословского взгляда на Писание и его роль в процессе вовлечения людей в искупительные отношения с триединым Богом?

for Theological Interpretation, edited by Craig G. Bartholomew and Matthew Y. Emerson (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2016. Apple Books), 132-33.

^[21] Dempster, 'The Canon and Theological Interpretation,' 132-33.

^[22] Webster, *Holy Scripture*, 62-65.

^[23] Webster, *Holy Scripture*, 65-66.

«Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен»

◆ Совершенно очевидно, что богословский взгляд на авторитет Писания не мог оставить незатронутыми такие фундаментальные церковные практики как изучение, проповедь и толкование Священного Писания. Богословский взгляд предполагает серьезный пересмотр этих практик. Их переосмысление продолжается уже несколько десятилетий, начиная с 1990-х годов.^[24] Предложены разные аспекты практики теологической интерпретации Писания.

Например, Центр богословского исследования (Center of Theological Inquiry, Princeton, New Jersey) в 1998-2002 гг. провел серию конференций, объединенных общим названием *The Scripture Project*, в ходе которых группа из пятнадцати ученых и пасторов рассматривала проблему конфессионального прочтения текста Писания. Обобщенный подход участников конференций выражен в девяти тезисах, которые называют Писание связным повествованием о Боге и Его взаимодействии с миром, христоцентричным и имеющим значение, выходящее за рамки намерений изначальных авторов. Конфессиональное прочтение Писания предполагает принадлежность к церкви, внимательность к способу прочтения текста и образу жизни святых, а также открытость к действиям Духа, по-новому открывающему Писание в изменяющихся условиях между «уже» и «еще нет» Царства Божьего.^[25]

Элен Дэйвис, ведущий профессор Библии и практического богословия богословского факультета университета Дьюк и один из редакторов сборника «Искусство чтения Библии», полагает, что конфессиональное отношение к Писанию, это когда оно признается «функциональным центром» жизни

^[24] Библиографию см. Craig G. Bartholomew, Daniel J. Treier, Kevin J. Vanhoozer, and N. T. Wright, eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible* (London: SPCK, 2009). Общее введение и обзор публикаций и подходов к конфессиональному прочтению, см. Fowl, *Theological Interpretation of Scripture*, 76-88 и Daniel J. Treier, *Introducing Theological Interpretation of Scripture: Recovering a Christian Practice* (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2008), 11-100.

^[25] **Тезис 1.** Писание истинно повествует о Божьем действии в создании, осуждении и спасении мира. **Тезис 2.** Писание в свете правила веры церкви верно понимается как связное драматическое повествование. **Тезис 3.** Верное истолкование Писания требует взаимодействия со всем повествованием: Новый Завет нельзя правильно понять в отрыве от Ветхого, а Ветхий Завет нельзя верно понять без Нового. **Тезис 4.** Тексты Писания не имеют единственного значения, ограниченного намерением изначального автора. В согласии с иудейской и христианской традицией мы утверждаем, что Писание обладает множеством сложных смыслов, данных Богом, автором всей драмы. **Тезис 5.** Четыре канонических Евангелия повествуют истину об Иисусе. **Тезис 6.** Верное истолкование Писания предполагает сопричастность к церкви – общине, созданной искупительным актом Бога, и приглашает приобщиться к ней. **Тезис 7.** Святые церкви предлагают руководство, как толковать Писание и воплощать его в жизни. **Тезис 8.** Христианам следует читать Библию в диалоге с разными иными за пределами церкви. **Тезис 9.** Мы живем в напряженности между «уже» и «еще нет» Царства Божьего; следовательно, Писание призывает церковь к продолжающемуся различению, постоянно обновляющемуся прочтению текста в свете непрекращающейся работы Святого Духа в мире. Подробнее см. *The Art of Reading Scripture*.

церкви, формирующим реалистичное и обнадеживающее отношение к миру, а также истолковывающим опыт.^[26] Она призывает «читать главным образом с богословским интересом; читать с открытостью к покаянию; и читать с пониманием свидетельства Ветхого Завета о Христе».^[27] Читать с богословским интересом, значит обращаться к Писанию не как к документу, говорящему об определенных исторических эпохах или идеологических системах, а как к свидетельству о свободном само-раскрытии триединого Бога и Его замысле для людей. Читать с открытостью к покаянию — это значит быть готовым изменяться в ответ на то, что Святой Дух раскрывает нам в Писании и изменять свое представление о Боге. Читать христологически — значит читать ретроспективно через событие Христа и типологически, как это делала ранняя церковь.

В свою очередь, Дэниел Триер указывает на три важнейших элемента: возврат к докритическим практикам чтения Писания в контексте богослужения и духовной жизни, чтение через призму «правила веры» церкви, а также роль добродетелей как герменевтической нормы и цели чтения Писания^[28] в общности с другими — общиной Святого Духа.^[29]

В целом можно резюмировать, что, несмотря на различную конфигурацию элементов и разные их наименования, наиболее регулярно встречаются следующие: Писание как целостное повествование, важность церкви и традиции для верного толкования текста, духовное формирование (добродетели) как условие и цель чтения. Представление о Писании как целостном повествовании очень важно, поскольку помогает уйти от сложившегося мнения о Библии как сборнике цитат на каждый день. Текст Священного Писания разворачивает перед нами драму спасения, являющую осуществление замысла Бога.^[30] Стивен Фоул обобщает этот замысел так:

...необходимо начать с желания триединого Бога вступить в дружеские отношения с миром, который был Им свободно сотворен. Из-за человеческого греха Сын Божий облекается в тело, чтобы принести нам исцеление и примирение с Богом. Через водительство и оживотворяющую силу Духа верующие направляются к жизни преобразования, благодаря которой они все больше уподобляются Христу. Эти изменения делают их способными углубить свою общность с Богом и друг другом в процессе ожидания завершения веков. Ожидая этого завершения, христиане призваны приобщиться к Телу Христа, Церкви. Как место христианского поклонения и свидетельства о Боге, церковь обеспечивает контекст, в котором, при содействии Духа, верующие формируются в народ Божий, которым Бог призывает их быть, и в котором нуждается мир.^[31]

^[26] Ellen F. Davies, 'Teaching the Bible Confessionally in the Church,' in *The Art of Reading Scripture*.

^[27] Davies, 'Teaching the Bible Confessionally in the Church'.

^[28] Trier, *Introducing Theological Interpretation of Scripture*, 34-35.

^[29] Trier, *Introducing Theological Interpretation of Scripture*, 79-96.

^[30] Крейг Бартоломью, Майкл Гохин, *Драма Писания* (Черкассы: Коллоквиум, 2009), 23-29. Книга Бартоломью и Гохина — прекрасный пример применения к Писанию концепции драмы.

^[31] Fowl, 'Scripture.'

Бог направляет историю спасения к моменту, когда Его изначальный замысел будет полностью осуществлен и Царство Его наполнит собой все. Благодаря драме различные голоса свидетелей Ветхого и Нового Заветов сливаются в одном хоре, говорящем о великих делах Божьих.^[32] Рождение, жизнь, смерть и воскресение Сына Божьего составляют логический центр драмы спасения. Именно событие Христа «сшивает» собой Ветхий и Новый заветы, демонстрируя их внутреннее единство и связность. Если же говорить о прикладном значении этой идеи, то повествование о драме спасения помогало и продолжает помогать верующим понять окружающий мир, придать смысл их нахождению в нем и упорядочить отношение к нему.

Главным герменевтическим ключом к пониманию Писания является «правило веры»,^[33] отраженное в древних символах веры (Апостольском или Никео-Константинопольском). Тексты символов веры использовались в богослужбном контексте, а особенно в процессе подготовки к крещению и во время него. Благодаря систематическому изложению членов «правила веры» церковь вводила неофитов в принципиальные положения веры, передавая вверенное ей учение апостолов.^[34] Кэтрин Грини-Макрейт упоминает Иринея Лионского, который иллюстрировал связь «правила веры» и Писания примером мозаики, части которой можно было использовать для создания образа царя или же изображения пса или лисицы.^[35] Дело в том, что в древности мозаичный набор сопровождался планом (*гипотезой*), согласно которому ее следовало выкладывать. По мнению Иринея, тексты Писания представляют собой смальту, а «правило веры» – гипотезу, ключ. Сторонники гностицизма, эклектичного религиозно-философского движения второго века, использовали неверную «гипотезу». Они «брали части текста и нанизывали его по своему усмотрению, вырывая из контекста и создавая новое повествование».^[36] Они отвергали Ветхий Завет, а некоторые части Нового Завета прочитывали весьма своеобразно, они же не признавали телесного воскресения Иисуса Христа.^[37]

^[32] О стратегиях, подчеркивающих единство Писания, см. Daniel J. Trier, 'Scripture, Unity of,' in Craig G. Bartholomew et al., eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible*, 731-34.

^[33] Kathryn Greene-McCreight, 'Rule of Faith,' in Craig G. Bartholomew et al., eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible*, 704.

^[34] Greene-McCreight, 'Rule of Faith,' 703.

^[35] Greene-McCreight, 'Rule of Faith,' 703. Ср. Иринея Лионский, *Против ересей* 1.8.1. URL: https://txt.drevle.com/text/irinei_lionskiy-protiv_eresei#h108. Не случайно именно образ царя служит примером. Вероятно здесь Иринея намекает на Христа как центр драмы спасения и правила веры.

^[36] Greene-McCreight, 'Rule of Faith,' 703. Ср. Иринея Лионский, *Против ересей* 1.9.4. URL: https://txt.drevle.com/text/irinei_lionskiy-protiv_eresei#h108.

^[37] Подробнее о гностицизме см. Sean Martin, *The Gnostics The First Christian Heretics*. Harpenden, Herts: Pocket Essentials, 2010; David Brakke, *The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in Early Christianity* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012). На русском: Александр Хосроев, *Из истории раннего христианства: На материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади* (М.: Присцельс, 1997); более устаревший текст: М. Э. Поснов, *Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним* (Брюссель: Жизнь с Богом, 1991).

Из сказанного выше логически вытекает то, что правильное понимание Писания возможно только в церкви и в диалоге с теми, кто воплощали в своем образе жизни истины веры – со святыми. Апостол Павел говорил Тимофею, чтобы он «то, что слышал от него, передал верным людям, способным и других научить» (2 Тим. 2.2). Здесь изложена базовая схема передачи (предания) учения апостолов: от верного учителя к верному ученику, чтобы он нашел других верных и научил их тому, чему научился сам. Следует также отметить, что без погружения в традицию невозможна практика библейской проповеди и толкования. Вероятно, можно иметь первое знакомство с текстом Писания, но даже в этом случае – «как могу уразуметь, если кто не объяснит мне» (Деян. 8.31). Таким образом, предание чрезвычайно важно для более полного понимания учения церкви.^[38] Вместе с тем мы живем на том этапе истории церкви, когда достаточно сложно говорить о едином предании. Скорее можно констатировать наличие множества традиций или разнообразных траекторий традиции. Ни одна из них не является всеобъемлющей. Именно поэтому проповедникам и пасторам следует настроиться на то, чтобы слушать другого и видеть, чему мы можем научиться от него. Основная интенция – понять, как другая траектория общехристианской традиции помогает моей общине обогатиться «всяким словом и всяким познанием» (1 Кор. 1.5). Это – упражнение в смирении, ведь мы не знаем всего, а если учение Христа доверено не только моей церкви или конфессии, а всей церкви – Телу Христа, то нам остается только одно – в смирении учиться друг у друга.

Но, как отмечалось выше, чтение, проповедь и толкование Писания не может быть самоцелью. Дэниел Триер утверждает: «Благодаря древним учителям мы можем восстановить способ объединить изучение Писания с благочестием, который был практически утрачен в преобладающей части современной западной культуры. Мы также можем научиться читать Библию христоцентрично, так, что это поможет стать причастными к реалиям, о которых говорит Писание. Более того, мы можем подражать чтению ради применения с богословским, а не узко экзегетическим, советом и ограничением».^[39] Писание выполняет определенную функцию в драме отношений Бога и сотворенного Им мира, у него есть свой *телос*. И хотя понимание *телоса* может быть разным,^[40] совершенно очевидно, что он затрагивает верующих и производит определенные изменения в них. Стивен Фул подчеркивает, что такие цели как славить Бога и наслаждаться Им вечно (Вестминстерское исповедание), все более углубляющаяся дружба с Богом (Форма Аквинский), православное учение об обожении (сопричастности к жизни в Троице Боге) несмотря на кажущиеся

^[38] Сбалансированное обсуждение предания с перспективы евангельского богословия см. Christopher A. Hall, *Reading Scripture with the Church Fathers* (Downers Grove, IL: IVP, 1998), 187-190.

^[39] Trier, *Introducing Theological Interpretation of Scripture*, 54.

^[40] О разных взглядах на *телос* Писания см. Ryan S. Peterson, 'For the Love of God: Scripture and the Formation of Human Identity,' in *The Voice of God in the Text of Scripture: Explorations in Constructive Dogmatics*.

отличия сходны в одном: Бог создал людей, чтобы они через Христа стали участниками все более углубляющихся отношений с Ним.^[41]

Преображающее действие Писания невозможно помыслить в отрыве от сообщества народа Божьего. Очевидный факт состоит в том, что древняя церковь не знала индивидуального христианства. Жизнь ученика всегда была тесно связана с общиной народа Божьего, в которой действовал Святой Дух, наделяя каждого духовными дарами для созидания Тела Христова. В этой же общине формировался определенный образ жизни (добродетели) отражающий характер этой общины и формирующий тех, из кого она состоит. Совместное чтение, проповедь и толкование Писания служит инструментом формирования образа и природы добродетелей.^[42] В то же самое время, те, кто продвинулся на этом пути, и в ком более полно отобразились добродетели, обычно обладают большей способностью толковать и применять Писание для формирования добродетелей. Таким образом, добродетели становятся целью и условием богословской интерпретации Писания.

Заключение

◆ Авторитет Писания – безусловно важный вопрос, влияющий на формирование богословских идей и практический образ жизни. Будучи оторванным или существенно удаленным от своего «онтологического основания» – учения о Боге, он превращается в вещь в себе, а нередко становится инструментом внутривероисповедной борьбы различных богословских направлений. Возвращение вопроса авторитета Писания в тесную связь с учением о Боге позволяет осознать, что Писание обладает авторитетом потому, что говорит нам о Боге, Его спасительных актах и речениях. Такой взгляд позволяет более трезво взглянуть на достаточно типичный в евангельских кругах библицизм, склонный смешивать записанное слово Бога и Слово, явившееся во плоти. В свете учения о Боге и Его откровении, Писание, как записанное слово Бога наделяется производным авторитетом и получает статус инструмента, отсылающего нас к речевым актам и явлениям Бога в истории Его народа. Этот инструмент активно используется Богом в осуществлении Его вселенского замысла.

Размещение вопроса авторитета в контексте учения о Боге позволяет сбалансировать участие людей в свидетельстве о Божьих спасительных речевых актах и явлениях в истории, а также роль общины народа Божьего в процессе формирования канона Писания. Концепция очевидцев, развитая Ричардом Бокэмом, позволяет гармонично сбалансировать полифонию различных свидетелей, представленных в тексте Писания и говорящих разными языками, с помощью разных литературных форм и расставляя разные акценты. Но все это многоголосие объединяется идеей общего

^[41] Stephen Fowl, 'Virtue,' in Craig G. Bartholomew et al., eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible*, 838.

^[42] Fowl, 'Virtue,' 838.

замысла, за которым стоит Троиственный Бог и направляет его к точке «омега». Эти два компонента — божественный и человеческий — хорошо объясняет христологическая аналогия, примененная к Писанию и указывающая на сакраментальный характер Божьего откровения. С другой стороны, участие Бога в процессе передачи откровения и формирования канона Писания позволяет осмыслить этот процесс не только исторически, но и теологически, через призму предложенных Джоном Вебстером категорий *исповедания, подчинения, ретроспекции и руководства*. Таким образом, рассмотренный теологически, процесс формирования канона и участие в этом процессе общины веры обретают должное место в осуществлении изначального замысла Троиственного Бога.

Наконец, осмысление вопроса авторитета Писания в свете учения о Боге позволяет связать его с очень практической целью — вовлечение народа Божьего во все более углубляющиеся отношения с Троиственным Богом и подготовка для участия в Его замысле. Это формирование возможно только в церкви, которая читает Писание в свете раскрытого Божьего домостроительства спасения, опираясь на добродетели как герменевтический ключ к верному пониманию Писания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allert, Craig D. *A High View of Scripture? The Authority of the Bible and the Formation of the New Testament Canon*. Evangelical Ressourcement. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2007.
- Bartholomew, Craig G., Daniel J. Treier, Kevin J. Vanhoozer, and N. T. Wright, eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible*. London: SPCK, 2009.
- Cartledge, Tony W. *1 & 2 Samuel*. Smyth & Helwys Bible Commentary, 7. Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, 2001.
- Clark, David K. *To Know and Love God: Method for Theology*. Foundations of Evangelical Theology. Wheaton, IL: Crossway, 2003.
- Crisp, Oliver, and Fred Sanders, eds. *The Voice of God in the Text of Scripture: Explorations in Constructive Dogmatics*. Proceedings of the Los Angeles Theology Conference, 4. Apple Books. Grand Rapids, MI: 2016.
- Davis, Ellen F., and Richard B. Hays, eds. *The Art of Reading Scripture*. Apple Books. Grand Rapids: Eerdmans, 2010.
- Dempster, Stephen G. 'The Canon and Theological Interpretation.' In Craig G. Bartholomew and Matthew Y. Emerson, eds. *Manifesto for Theological Interpretation*, 131-48. Apple Books. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2016.
- Fowl, Stephen E. 'Scripture.' In John Webster, ed. *The Oxford Handbook of Systematic Theology*. Apple Books. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Fowl, Stephen E. *Theological Interpretation of Scripture*. Cascade Companions. Eugene, OR: Cascade, 2009.
- Hall, Christopher A. *Reading Scripture with the Church Fathers*. Downers Grove, IL: IVP, 1998.
- Motyer, Alec. 'What is Progressive Revelation?' (May 26, 2018). Accessed March 30, 2021. URL: <https://www.crossway.org/articles/what-is-progressive-revelation/>.
- Trier, Daniel J. *Introducing Theological Interpretation of Scripture: Recovering a Christian Practice*. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2008.
- Webster, John. *Holy Scripture: A Dogmatic Sketch*. Current Issues in Theology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Wright, George Ernest. 'Progressive Revelation'. *The Christian Scholar* 39, no. 1 (1956): 61-65.
- Бартоломью, Крейг, Майкл Гохин. *Драма Писания*. Черкассы: Коллоквиум, 2009.
- Бокэм, Ричард. *Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей*. М.: Эксмо, 2011.

Метцгер, Брюс М. *Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение.*

Современная библеистика. М.: ББИ, 1998.

Райт, Н.Т. *Авторитет Писания и власть Бога.* Черкассы: Коллоквиум, 2007.

REFERENCES

- Allert, Craig D. *A High View of Scripture? The Authority of the Bible and the Formation of the New Testament Canon.* Evangelical Ressourcement. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2007.
- Bartholomew, Craig G., Daniel J. Treier, Kevin J. Vanhoozer, and N. T. Wright, eds. *Dictionary for Theological Interpretation of the Bible.* London: SPCK, 2009.
- Cartledge, Tony W. *1 & 2 Samuel.* Smyth & Helwys Bible Commentary, 7. Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, 2001.
- Clark, David K. *To Know and Love God: Method for Theology.* Foundations of Evangelical Theology. Wheaton, IL: Crossway, 2003.
- Crisp, Oliver, and Fred Sanders, eds. *The Voice of God in the Text of Scripture: Explorations in Constructive Dogmatics.* Proceedings of the Los Angeles Theology Conference, 4. Apple Books. Grand Rapids, MI: 2016.
- Davis, Ellen F., and Richard B. Hays, eds. *The Art of Reading Scripture.* Apple Books. Grand Rapids: Eerdmans, 2010.
- Dempster, Stephen G. 'The Canon and Theological Interpretation.' In Craig G. Bartholomew and Matthew Y. Emerson, eds. *Manifesto for Theological Interpretation,* 131-48. Apple Books. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2016.
- Fowl, Stephen E. 'Scripture.' In John Webster, ed. *The Oxford Handbook of Systematic Theology.* Apple Books. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Fowl, Stephen E. *Theological Interpretation of Scripture.* Cascade Companions. Eugene, OR: Cascade, 2009.
- Hall, Christopher A. *Reading Scripture with the Church Fathers.* Downers Grove, IL: IVP, 1998.
- Motyer, Alec. 'What is Progressive Revelation?' (May 26, 2018). Accessed March 30, 2021. URL: <https://www.crossway.org/articles/what-is-progressive-revelation/>.
- Trier, Daniel J. *Introducing Theological Interpretation of Scripture: Recovering a Christian Practice.* Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2008.
- Webster, John. *Holy Scripture: A Dogmatic Sketch.* Current Issues in Theology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Wright, George Ernest. 'Progressive Revelation'. *The Christian Scholar* 39, no. 1 (1956): 61-65.
- Bartolom'iu, Kreïg, Maïkl Gokhin. *Drama Pisaniïã.* [Bartholomew, Craig, Michael Gohin. *Drama of Scripture*] Cherkassy: Kollokvium, 2009.
- Bokêm, Richard. *Iisus glazami ochevidtsev. Pervye dni khristianstva: zhivye golosa svidetelei.* [Bauckham, Richard J. *Jesus and Eyewitnesses: The Gospels as Eyewitness Testimony*] M.: Èksmo, 2011.
- Metšger, Briūs M. *Kanon Novogo Zaveta: Vozniknovenie, razvitie, znachenie.* Sovremennaiã bibleistika [Metzger, Bruce. *The Canon of the New Testament: Its Origin, Development, and Significance*]. M.: BBI, 1998.
- Rait, N.T. *Avtoritet Pisaniïã i vlast' Boga.* [Wright, N. T. *Scripture and Authority of God: How to Read the Bible Today*] Cherkassy: Kollokvium, 2007.